

Как буллинг вошел в российские школы

С начала 2017 года по январь 2018-го зафиксировано **12** инцидентов нападений либо случайного использования холодного или огнестрельного оружия в российских школах. Погибло **три человека**, более **20 раненых**, включая трех учителей. 93% школьных стрелков — лица мужского пола. 98% нападавших незадолго до трагедии пережили серьезный стресс или утрату. 78% школьных стрелков ранее совершали попытки суицида или задумывались над этим.

В 81% случаев стрелок действовал в одиночку, но нападение — это всегда спланированная акция, а не внезапный выплеск агрессии. Как выясняется, чаще всего нападающие предупреждают о своих планах: либо кому-то рассказывают о них, либо намекают на то, что намерены совершить. **71% нападавших** — жертвы длительного и жестокого буллинга. Так, согласно оценке распространенности насилия над детьми, проведенной в Нижегородской области, **более половины** опрошенных сталкивались с насилием в стенах образовательных учреждений.

Буллинг — не просто агрессия и не любая школьная драка; он определяется как неоднократные попытки более сильного индивида (группы) причинить боль, унижить или как-то еще стрессировать менее сильного (группу). Развивается буллинг в большинстве **закрытых сообществ** с жесткой иерархической структурой, и его основные характеристики — неравные силы жертвы и обидчика, повторяемость, переживание жертвой чувства беспомощности, одобрение или безразличие других участников ситуации.

Проблема травли в детских коллективах стара как мир, она возникает там, где есть насильственно объединенный коллектив.

Ведь дети класс как коллектив, в котором проводят по многу часов, выбрали не сами. Неизвестно ни одного случая травли в каком-нибудь творческом детском объединении по интересам — в том же кружке авиамоделирования, например, куда дети ходят с удовольствием и по собственному желанию.

Есть три предпосылки травли в школьном коллективе или какой-то детской группе. Она возникает там, где:

— дети объединены насильственно; это может быть лагерь с отрядами, школа с классами, то есть дети не сами выбирают, с кем им быть в одной группе;

— нет конструктивной позитивной увлекательной для детей деятельности, общих целей и достижений;

— взрослый, учитель, который в силу своих профессиональных обязанностей, должен возглавлять эту группу, устраняется от роли лидера, наставника, не взял на себя ответственность за климат в группе.

Когда присутствуют эти три условия, создается очень благодатная почва для травли.

Буллинг — не та проблема, которую можно решить раз и навсегда, это больше похоже на сорняки, которые надо регулярно пропалывать, одновременно заботясь о саде и прививая здоровые побег.

В последние годы произошло сокращение подростковой преступности не только в России, но и в развитых европейских странах: согласно статистическим данным, случаев, когда агрессия несовершеннолетних приобретает криминальный характер, стало на 20–30% меньше. Сама по себе подростковая агрессия не исчезла, а перешла в другую форму — виртуальную. И по своим последствиям она не становится менее травматичной для

тех, кто становится ее жертвой, кто подвергается в сети травле, или так называемому кибербуллингу.

С одной стороны, можно сказать, что кибербуллинг удерживает подростков с повышенной агрессивностью от нанесения физических травм и повреждений в реальной жизни. С другой — психологические травмы после нападений в интернет-среде также наносят существенный вред, и пострадавшим детям и подросткам часто не удается справиться с их последствиями. Особенно если такие случаи оказываются вне зоны влияния взрослых и помощь жертвам кибербуллинга не оказывается.

Крайне болезненны ситуации, когда физическая агрессия дополняется кибербуллингом: мальчика или девочку избивают, а потом выкладывают видеозапись избиения в соцсетях. В такой ситуации ребенок с его неокрепшей психикой травмирован вдвойне: ведь он бессилен перед обидчиками и ничего не может сделать с информацией, которая уже выложена в сети и демонстрирует его униженность и уязвимость. И плюс ко всему он может видеть сопровождающие эту запись насмешки и комментарии.

Видов кибербуллинга много. Это высмеивание, преследование в соцсетях, выкладывание в интернете оскорбительной и личной информации, фотографий детей и подростков, размещенных без разрешения.

Одна из проблем, связанных с распространением кибербуллинга, — эмоциональная отстраненность, нечувствительность к переживаниям другого человека в виртуальном пространстве. Мучитель не входит в эмоциональный контакт с жертвой, он может экспериментировать с издевательствами, предвидя некоторые реакции жертвы и в какой-то мере на них рассчитывая, но не видит ее страданий, не понимает, какую травму наносит.

В ситуации буллинга всегда существуют три стороны: помимо агрессора (буллера) и жертвы присутствуют еще и наблюдатели, от реакции и отношения которых зависит дальнейшее развитие ситуации. Если они поощряют агрессию, то могут сами перейти в разряд агрессоров. Если же стремятся оказать помощь жертве, то появляется шанс на прекращение насилия. В конечном счете важно не то, возникают ли между детьми и подростками конфликты, а то, какая атмосфера сложилась, какова реакция сверстников и взрослых, какие нормы регулируют их поведение. А это зависит от нас.

Какие бы идеальные условия ни были созданы для ребенка, если у него не будет сформировано отношение к этому, если у него нет внутренней позиции, то он теряется и особенно в критической ситуации может стать мишенью для технологий, работающих в сети. Но какой бы сложной ни была ситуация, всегда нужно в нее включаться и стараться помочь ребенку выйти из состояния жертвы или даже агрессора.